

УДК 821.161.1.09"19"

А. А. Алексеева

Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова
kisika7@ya.ru

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В ЛИРИКЕ С. А. КЛЫЧКОВА

В статье доказывається, що християнські мотиви є сквозними в ліриці новокрестьянського поета С. А. Клычкова і забезпечують смисловою інтеграцію його віршів. В роботі показується, що християнські мотиви в художественній системі Клычкова особливим чином трансформуються і переплетаются з фольклорно-міфологічною символікою. Спів'язання християнських і язических елементів в ліриці Клычкова оцінюється як відображення специфічних рис російського національного свідомості.

Ключові слова: новокрестьянські поети, християнські мотиви, С. А. Клычков, «Закляття смерті».

A. A. Alekseyeva

Nekrasov Kostroma State University
kisika7@ya.ru

CHRISTIAN MOTIFS IN THE LYRICAL POETRY BY SERGEY KLYCHKOV

The article proves that Christian motifs pass through the lyrics of the new peasant poet Sergey Klychkov and provide semantic integration of his poems. The work shows that Christian motifs in the artistic system of Sergey Klychkov are particularly transformed and interlinked with folk-mythological symbolism. Conjunction of Christian and pagan elements in the lyrics of Sergey Klychkov is supposed as a reflection of specific features of Russian national mind.

Keywords: new peasant poets, Christian motifs, Sergey Klychkov, «Conjuring of Death».

Отечественные литературоведы относят С. А. Клычкова к числу новокрестьянских поэтов (наряду с С. А. Есениным, Н. А. Клюевым, А. В. Ширяевцем и др.). Термин «новокрестьянские поэты» является условным, и сами авторы так себя не называли. Однако литературоведы выделяют ряд общих для поэтов факторов, позволяющих говорить о том, что «Есенин, Клюев, Клычков и другие представляли в литературном процессе сложившееся направление» (3, 5). Н. М. Солнцева (3) среди таких факторов отмечает провинциальное происхождение авторов, образование, полученное в простонародной среде, и их трепетное отношение к вере, напрямую связанное с деревенским укладом, в котором жили и воспитывались будущие поэты. Христианская вера всегда оставалась одной из важнейших ценностей русской деревни. Это обстоятельство, несомненно, влияло на творчество поэтов-новокрестьян. Нередко в их произведениях звучат христианские мотивы, фигурирует характерная для церковного быта и обрядов лексика, встречаются имена святых.

С. А. Клычков родился в селе Дубровки Тверской губернии в семье сапожника-старобрядца. Его происхождение во многом объясняет то, что ранние произведения Клычкова характеризуются частотой обращения автора к теме родной природы, родного края, отчего дома, повествованием о быте простой крестьянской семьи, обычных деревенских мальчишек. Так в стихотворении «Детство» автор рисует читателю картины из детских лет жизни. Воспоминание лирического героя о начале жизненного пути теснейшим образом связано с духовным состоянием молитвы, с мыслью о присутствии Бога, внушённой лесным краем, далёким от городского мира:

Помню: филины кричали,
В тёмный лес я выходил,
Бога строгого в печали
О несбыточном молил...
(«Детство», 1910) (1, т. 1, 62).

Деревня не мыслится автору без церкви. Наряду с пением птиц и журчанием ручьёв, жизнь сельских жителей непременно сопровождается колокольным звоном как знаком богохранимой земли, присутствием Бога в жизни людей:

Оттого-то вдоль полян
Плыл серебряный туман,
И звонили добела
На селе колокола.
(«Детство», 1910) (1, т. 1, 63).

В том же в 1910 году поэт обращается к теме Богородицы. В первой книге Клычкова «Песни» печатается стихотворение «Образ Троеручицы». Здесь икона представляется вовсе не как атрибут веры в крестьянской избе, а становится объектом художественного описания, имеющего явный философский подтекст:

Образ Троеручицы
В горнице небесной
В светлой ризе лучится
Силою чудесной.

Три руки у Богородицы
В синий шёлк одеты
Три пути от них расходятся
По белому свету...
(«Образ Троеручицы», 1910) (1, т. 1, 61).

Образ трёх путей (к синему морю – «к веселию», «к тёмным елям» – к печали, к неизвестности) трактуется исследователем Борисом Романовым с биографической точки зрения. Литературовед говорит о том, что «первый путь – в Италию, по которой девятнадцатилетний Клычков путешествовал. Второй – возвращение в родную Дубровку, к трудной жизни родительского дома <...> А третий путь – неизвестное будущее поэта» (2, 36). Хотя исследователь и называет своё истолкование поверхностным и недостаточным, оно имеет право на существование. Мы считаем, что образ Троеручицы не случайно связывается в стихотворении Клычкова с размышлениями лирического героя о путях движения его жизни и судьбы. В произведении представлено лишь описание этих трёх путей. Лирический герой не делает своего рокового выбора, однако любой выбранный им путь окажется благословлённым: Богородица словно за руку поведёт человека по этой дороге, всегда будет с ним незримым спутником. Данный факт перекликается с русской традицией благословления на долгий путь иконой и крестным знаменем, к описанию которой Клычков прибегает в стихотворении «Прощай, родимая сторонка...»:

Прощай, родимая сторонка,
Родная матушка, прости,
Благослови меня иконкой
И на дорогу покрести...
(«Прощай, родимая сторонка...», 1917–1918) (1, т. 1, 122).

Обращая внимание на время написания стихотворения, можно предположить, что лирический герой прощался не столько с родным селом, сколько с «Русью уходящей», теряющей христианские корни, обретающей «новую веру». Однако лирический субъект просит мать проводить его по исконным традициям, подчёркивая тем самым, что он не желает расставаться с верой, так свято некогда хранимой в родном краю. Н. М. Солнцева, говоря о новокрестьянских поэтах в целом, справедливо характеризует их как «людей верующих», сохранивших свои религиозные взгляды «и после Октябрьской революции» (3, 8).

В 1914 году Клычков вновь обратится к теме Троеручицы в стихотворении «Вся в тумане, в дремоте околица...». Интересным в данном произведении представляется тот факт, что наряду с Богородицей появляется образ русалки. В одном стихотворении сопряжены христианские и мифологические мотивы. Деревня испокон веков славилась не только своей

привязанностью к церкви, но и огромным количеством сказаний и легенд, существованием демонологии, верой в тёмные силы, бытованием различных примет. В мировоззрении деревенского жителя парадоксально соединяются почитание христианских традиций и интерес к языческой вере. Отсюда в стихотворении Клычкова – сосуществование образов, пришедших из христианства и язычества: Троеручицы и русалки:

Смотрит в очи ей лик Троеручицы,
А в углу предрассветная мгла –
«Полно плакать, родимая, мучиться,
Ты бы лучше вздремнула, легла...»

Уж светает, уж брезжится по полно,
Уж мелькает русалочья тень...

(«Вся в тумане, в дремоте околица...», 1914) (1, т. 1, 113).

В описании деревенского уклада жизни С. А. Клычков обращается к теме крестьянских будней. Они несомненно связаны с работой, крестьянами-грузчиками. Так, например, в цикле стихотворений «Кольцо Лады» автор, рисуя картины работы в поле, обращает внимание на то, что молитва всегда помогала человеку в тяжёлом труде. Изображённое поэтом окончание трудового дня также неизменно знаменуется разговором человека с Богом:

Поздно дед пришёл с покоса
Дед метал последний стог –
Долго, долго бил он косу
И молился на восток...

(«Поздно дед пришёл с покоса...», 1913) (1, т. 1, 95).

Стог, как дружка на поляне,
И бока его в росе,
Звёзды клонятся в тумане,
Скоро выйдут поселяне
И согнутся в полосе!
И, до вечера на жнитве
Не сложа усталых рук,
В громкой песне и молитве
Будут славить дедов плуг!..
(«Зоряница», 1912) (1, т. 1, 96).

Из последнего стихотворения видно, что молитва не только сглаживает тяжёлые трудовые будни крестьян, но и объединяет поколения, становится залогом духовной близости ныне живущих людей и тех, кто много лет назад также сгибался в полосе и пел ту же молитву.

Ранняя лирика С. А. Клычкова буквально пронизана фольклорными мотивами, часто подчёркивающими тесную связь, родство человека и природы. Окружающий мир в поэзии Клычкова, как и в творчестве других новокрестьянских писателей, приобретает человеческие черты. Однако, важно отметить, что и христианские представления проникают в образ природного мира, созданного поэтом. Например, в стихотворении «По лесным полянам...» месяц метафорически уподоблен православной иконе:

И висит иконой
Месяц над поляной,
И кладёт поклоны
Старец мудрый, старый...

(«По лесным полянам...», 1913) (1, т. 1, 62).

Образ зари в стихотворениях Клычкова часто обрастает христианскими мотивами. Так, в уже упомянутом произведении «Поздно дед пришёл с покоса...» лирический герой молит-

ся на восток (сторону света, где встаёт солнце). В другом стихотворении встречаем сравнение зари с окладом иконы:

Там в лесу, на косогоре,
У крыльца и у окон,
Тихий свет – лесные зори,
Как оклады у икон...

(«В нашей роще есть хоромы...», 1914, 1918) (1, т. 1, 123).

Христианские мотивы поздней лирики С. А. Клычкова, в силу исторических и биографических причин, приобретают несколько иную функцию в его произведениях. Автор уходит от образных сравнений природного мира с церковными атрибутами, от ярких воспоминаний из детства о разговорах с Богом. Поздние стихотворения поэта уже представляют собой раздумья о новой России, которая кажется ему оставленной Богом. В стихотворении «Мы отошли с путей природы...» лирический герой провозглашает:

Наш путь – железная дорога,
И нет ни троп уж, ни дорог,
Где человек бы встретил Бога
И человека – Бог!

(«Мы отошли с путей природы...», 1925, 1930) (1, т. 1, 238).

Уже в самом названии произведения заключена авторская мысль о том, что человечество отстранилось от Бога и от природы, которые были так близки в ранних стихотворениях автора. В этом стихотворении Клычков художественно воплощает трагический конфликт «живого» и «железного», который был актуален для всех авторов-новокрестьян. Образ железной дороги предстаёт в осмыслении Клычкова символом обезбоженного мира: поруганной природы, погубленной деревни, растоптанных национальных святынь.

Идея богооставленности мира ярко и сильно в художественном отношении воплощена в одном из последних произведений автора – цикле «Заклятие смерти». Мотив сожаления об ушедшей крестьянской Руси, а вместе с ним и утрате ценностей христианской веры, становится сквозным в названном лирическом единстве. На основе приёма антитезы построены образы старой и новой России. Старую деревенскую Русь автор называет «царством стариков», характеризует её через образ деда, который сшил себе саван и удалился в небытие. Новую Россию автор связывает с образом пьющего отца и внучат с неясной походкой, которые не смогут более свято хранить традиции предков. Данная мысль подчёркивается повествованием о нынешнем состоянии символа веры, главного атрибута церковного быта русского человека, красного угла:

Да и сам я часто спяна
Тычу в угол кулаки,
Где разжились тараканы
И большие пауки!
Где за дымкой паутиной
В темном царстве стариков
Еле виден Спас старинный
И со Спасом рядом штоф.

(«Сколько лет с божницы старой...») (1, т. 1, 251).

Мотив ухода от исконных церковных традиций поддерживается в цикле трансформационной образа Спасителя. Если в начальных стихотворениях цикла образ Спаса виден лирическому герою: «Где за дымкой паутиной / В темном царстве стариков / Еле виден Спас старинный / И со Спасом рядом штоф» (1, т. 1, 251), то уже к седьмому стихотворению цикла наблюдается уход образа Спаса из обители людей: «Давно не смотрит Спас с божницы, / И свет лампад давно погас: / Пред изначальным ликом жницы / Он в темноте оста-

вил нас!» (1, т. 1, 253). В конце этого же стихотворения наблюдается итог трансформации образа иконы – Спас заменяется символикой советской власти: «*И вот теперь в привычном месте / Висит не Спасов образок, / А серп воздания и мести / И сердца мирный молоток!*» (1, т. 1, 253). Данная трансформация демонстрирует ощущение безвозвратной потери человеком Бога, утраты неразрывной связи русской деревни с церковным началом, что так ярко прослеживалось в ранних произведениях Клычкова. Теперь же автор провозглашает: «Он в темноте оставил нас!» (1, т. 1, 253). В этой фразе и заключена мысль поэта о том, что русские люди во всех революционных преобразованиях жизни страны и общества оторвались от своих духовных корней: никогда старик не помолится на восток, заря не сравнится с окладом иконы. Мир без Бога, представляющийся Клычкову хаосом, погружается в темноту, в обезбоженное пространство, где уже не разглядеть будущего человечества, не найти того благословенного пути, оберегаемого Богородицей.

Однако в стихах Клычкова всё-таки присутствует и убеждение в том, что никакие внешние разрушительные силы не могут полностью оторвать человека от своей духовной почвы. Поэт искренне верит в свет и святость, живущих в глубине русской души, способной сохранить веру в Бога и таким образом даровать себе надежду на спасение:

Вечно лишь души сиянье,
Заглянувшей в мрак и тьму!
(«Как свеча, горит холодный...») (1, т. 1, 254).

Христианские мотивы являются сквозными в поэтическом творчестве С. А. Клычкова. Они становятся основой художественной целостности его лирики, обеспечивают смысловую интеграцию его стихотворений, играют роль важного циклообразующего фактора. Наблюдения за трансформацией функционального использования автором христианских мотивов от ранних произведений к поздним позволяют также проследить эволюцию взглядов С. А. Клычкова на события, происходящие в обществе и государстве. Они также дают возможность почувствовать сожаление поэта о «Руси уходящей», помогают очертить систему его духовных ценностей.

Литература

1. Клычков С. А. Полн. собр. соч. в 2 т. / подг. текста и коммент. М. Нике, Н. М. Солнцевой, С. И. Субботина. М., 2000.
2. Романов Б. «И долго думал он о Боге...» Сергей Клычков и народная вера // Сергей Антонович Клычков. Исследования и материалы: сб. ст. по итогам международной научной конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения С. А. Клычкова. М., 2011.
3. Солнцева Н. М. Новокрестьянские поэты // Русская литература 1920–1930-х годов: Портреты поэтов: в 2 т. Т. 1. М., 2008.